

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/89/8

Лирическая поэтика романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева»

Елена Владимировна Капинос

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

dzerv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

Аннотация

Рассмотрены такие черты лирической поэтики романа «Жизнь Арсеньева», как насыщенность текста тематическими и мотивными повторами, фрагментарность, вариативность и неопределенность. Акцент сделан на способах описания пространств – усадебного и городского, а также на пунктирном лирическом сюжете Пятой книги романа. Пространственное и сюжетное устройство дублируют, дополняют и индуцируют друг друга: в тексте разнообразны вариации усадебного локуса, при том, что все изображенные усадьбы похожи. Похожи и города: в Пятой книге уездный город и губернский город регулярно подменяют друг друга. Умножение сходных мотивов и сюжетных ситуаций характерно и для сюжета Пятой книги, в ней к тому же несколько кульминаций. Всё это искусно запутывает читателя, привнося предметную неопределенность, которая лежит в основе лирической поэтики романа, имеющей много общего с классической русской элегией.

Ключевые слова

лирическая проза, роман И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева», мотив, сюжет, тема, элегия, русская усадьба, пространство

Для цитирования

Капинос Е. В. Лирическая поэтика романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 99–111. DOI 10.17223/18137083/89/8

Lyrical poetics of the novel “The Life of Arseniev” by Ivan Bunin

Elena V. Kapinos

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

dzerv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

Abstract

The paper examines such features of the lyrical poetics of the novel “The Life of Arseniev” in terms of its thematic and motivic repetitions, fragmentary and variegated style, and overall

© Капинос Е. В., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 4. С. 99–111
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2024, no. 4, pp. 99–111

sense of ambivalence and uncertainty. An emphasis is placed on how various settings are described, including manor and urban locales and on the punctuated lyrical narrative of the Fifth Book of the novel. Ivan Bunin depicts several manors near Arseniev's residence characterized by their similarities and significant historical connections to renowned Russian writers. The lyricism of the manor theme is enhanced by various variations, lending it a substantial semantic richness. The transitions between different spaces, the layered descriptions, and the concentration of similar plots within each chapter are all points of interest. The urban space is built under the same laws as the manor. The technique used to depict cities entails the repetition of similar characteristics, with the images of the provincial city of Orel gradually merging with those of an unnamed county town in Book Five. The lyrical plot of Book Five is structured around the multiplication of similar situations, with several climaxes. The spatial and plot structures exhibit duplication, complementarity, and induction elements. The multiplication of similar motifs and plot situations skillfully confuses the reader, introducing a subject ambiguity underlying the lyrical poetics of the novel. The lyrical poetics of the novel shares similarities with the classical Russian elegy, including specific details and a melancholic tone.

Keywords

lyrical prose, I. A. Bunin's novel "The Life of Arseniev", motif, plot, theme, elegy, Russian manor, space

For citation

Kapinos E. V. Lyrical poetics of the novel "The Life of Arseniev" by Ivan Bunin. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no. 4, pp. 99–111. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/89/8

1. Усадебный локус: лирическая вариативность и множественность

Неопределенность, фрагментарность, вариативные повторы – главные черты лирической поэтики «Жизни Арсеньева». Они являют себя на разных уровнях этого текста, включая тематический и мотивный, которым и посвящена данная статья. И первая тема, позволяющая оценить высокую степень и характер этой неопределенности, – это тема дышащего стариной усадебного быта. Текст Бунина дает все основания исследователям размышлять о поэтизации и особой ценности для Бунина усадебных мотивов¹, но в данном случае хочется показать, какую роль эти мотивы играют в композиции романа.

Действие первых трех книг разворачивается в отцовской усадьбе, где рождается и взрослеет главный герой. Усадебный быт, отчий дом описываются Буниным в мельчайших и точнейших деталях: окна, освещение комнат, залы, кабинеты, библиотеки, книги, домашние занятия, сады, чердаки и задворки – всё это обзревается очень подробно. Однако в романе фигурирует не одна, а множество усадеб, и они столь похожи на родную усадьбу Арсеньева, что читатель может в них даже запутаться.

Рождается Арсеньев в одной усадьбе, и именно ее, Каменку, в младенчестве он переживает как родной дом. Но уже в первой книге семья Арсеньева его теряет и переселяется в другую усадьбу, Батурино. Еще живя в Каменке, Арсеньев знал дом бабушки, и переселение проходит как-то вполне естественно и для героя не драматично, тем более что всё это происходит, когда Арсеньев уже учится в первом классе гимназии и живет в городе. Но само удвоение темы дома – Каменка / Батурино в первой же книге подчеркивает лиризм этой темы. Вместе со смертью бабушки в роман входит элегический мотив смены поколений, обнов-

¹ О теме русской усадьбы у Бунина в разное время писали Н. В. Зайцева [1996], Н. А. Трубицина [2006], Т. М. Жаплова [2012] и др.

ления жизни чередой уходящего и нарождающегося (вспомним другой образцово-лирический текст Бунина «В некотором царстве», где счастье и любовь героев совершаются на фоне смерти). При этом две усадьбы, принадлежащие роду Арсеньевых, формируют переживание более широкого, чем одна конкретная усадьба, образа отечества: пространство, окружающее оба дома, в той или иной мере *свое* для Арсеньева, здесь живут его родственники и старинные соседи, а лирическое переживание этого пространства «подтверждается» литературными ассоциациями: «сады Лицея» (XV глава Второй книги), малорусская родина Гоголя и дедовские хоромы «пана Данилы» (XV глава Первой книги), усадебная жизнь Толстого – всё это отзывается в чувстве Арсеньева к своим родным местам.

Литературные и исторические герои тоже оказываются «своими»: вселять в неизвестные затерянные усадьбы литературных и исторических персонажей – характерная и уже хорошо отработанная ко времени работы над «Жизнью Арсеньева» техника Бунина: например, в заброшенной и затерянной усадьбе рассказа «Несрочная весна» царит образ Екатерины, в раздумьях о прошлом всплывают стихи Баратынского, Сумарокова, русская элегия. И не случайно, конечно, рядом с Батуриным в «Жизни Арсеньева» помещена лермонтовская «Кроптовка». В VIII главе Четвертой книги Арсеньев в своих скитаниях с ружьем уже не в первый раз заезжает в эту усадьбу и с душевным трепетом рассматривает небольшой дом и сад отца Лермонтова. А поскольку его семейство носит ту же фамилию, что и бабушка Лермонтова – Арсеньевы, то и Кроптовка оказывается как будто бы одной из родных усадеб героя, тем более что она, как и Батурино, разорена, обветшала и продается. Наконец в том же уезде охотятся «молодые Толстые» (IX глава Четвертой книги), что, конечно, не может не напомнить о толстовской Ясной Поляне, не названной в романе, но добавляющей детству Арсеньева ассоциаций из толстовского «Детства».

В главах о доме описываются не только Батурино и разного рода литературные усадьбы, но и множество других имений уезда. Арсеньев, как и другой бунинский автоперсонаж Ивлев (из несобранного цикла «ивлевских» рассказов²), постоянно прогуливается по родному уезду, «заглядывая» (чаще всего издали или вообще в воображении) к соседям, родственникам, а также в пустые заброшенные усадьбы.

Кроме Каменки и Батурина подробно обрисован дом, соседствующий с батуринской усадьбой, рядом с которым деревом убило приказчика, донесшего на Георгия, старшего брата Алексея Арсеньева (XIII глава Второй книги). Оказывается, этот дом принадлежал когда-то матери Арсеньева, и, таким образом, это тоже их родное в прошлом поместье, теперь отчужденное и даже враждебное из-за этого злого доноса. Но чувство родства преобладает, и опустевшее имение соседей присоединяется к родным домам, поэтически описанным в этой главе; как и в лермонтовскую Кроптовку, Арсеньев многократно заезжает в эту усадьбу полюбоваться ее красотой.

Читатель узнает и о других усадьбах Батурина: с другой стороны пруда от усадьбы Арсеньевых стоит дом Уварова – отца Глебочки, одноклассника Арсеньева, который учится в той же гимназии и живет в том же доме Ростовцевых³,

² См. об этом: [Капинос, 2014].

³ Фамилия Ростовцевых перекликается с фамилией семьи Ростовых в «Войне и мире» Л. Н. Толстого, в обоих романах изображаются семьи с укорененными традициями русского быта.

где и Арсеньев. Гимназисты далеки друг от друга и не дружат, но знакомы близко. По-видимому, Арсеньев бывал и в доме Уваровых у Глебочки и, слегка влюбившись юношеской платонической любовью в Лизу Бибикову, родственницу Уваровых, гостившую летом в Батурине, легко воображает, как она живет в этом доме, когда он «выдумал совсем не спать по ночам, – ложиться только с восходом солнца, а ночь сидеть при свечах в своей комнате, читать и писать стихи, потом бродить по саду, глядеть на усадьбу Уваровых с плотины пруда» (Бунин, 1966, с. 129)⁴, «Глядя на дом с плотины, я точно представлял себе, где кто спит. Я знал, что Лиза спит в Глебочкиной комнате, в той, окна которой выходили тоже в сад, темный, густой, подступающий прямо к ним» (с. 131). К этому виду на усадьбу с плотины Бунин возвращается многократно, к примеру, чуть раньше, в VI главе Третьей книги, когда Лиза еще не приехала в Батурино и Арсеньев еще не знает о ней, он точно так же стоит на плотине и смотрит на соседскую усадьбу: «Я стоял, глядел – и луна стояла, глядела. Возле берега, подо мной, была зыбкая, темно-зеленая бездна подводного неба, на которой висели, чутким сном спали, спрятав под крыло голову и глубоко прижавшись к ней, утки; за прудом темнела вдали усадьба Уварова, того помещика, чьим незаконным сыном был Глебочка» (с. 121). Отметим попутно, что мотив «незаконного сына» отсылает к биографии В. А. Жуковского, а мотив луны – к его поэзии. Будучи незаконным сыном, Глебочка никогда, наверное, не станет хозяином этого дома, а на судьбу соседней с этим домом усадьбы заодно тоже ложится тень неопределенности.

Здесь же, в Батурино, расположено имение Алферова, где гостит еще одна героиня, у нее тургеневское имя Ася, и ее образ тревожит воображение юноши Арсеньева (об Асе рассказывается в той же, IX главе Третьей книги, что и о Лизе). Портрет этой девушки мелькает в романе парой кадров практически одновременно с мимолетной влюбленностью в Лизу Бибикову, тема первой любви концентрируется в этой главе с двумя гостями, приезжающими и уезжающими одна за другой и увлекающими Арсеньева почти одновременно. Усадьбы соседей, их портреты сделаны как наброски, как эскизные пятна, ни о ком не рассказывается подробно. К примеру, хозяин усадьбы помещик Уваров не попадает в кадр, о нем лишь кратко сообщается, что он пребывает в натянутых отношениях с Арсеньевыми из-за мелких деревенских ссор. Характерно то, что читатель почти не видит владельцев усадеб, говорится лишь об их предках, описываются только родственники, гости, управляющие. Опосредованные, не прямые связи героев с усадьбами способствуют созданию нечетких, призрачных образов⁵, которые в то же время очень близки Арсеньеву, усадьбы, кажется, населены тенями, как опустевший пушкинский дом в элегии Языкова, процитированной в IX главе Третьей книги. Гости соседей уезжают, исчезают из поля зрения Арсеньева, а вместе с ними затуманиваются образы самих усадеб, разрушающихся, разоряющихся, теряющих и меняющих владельцев. Лиза Бибикова и Ася, мелькнув, исчезают навсегда, а вскоре сообщается, что хозяин усадьбы, куда приезжала Ася, умер, и в его доме на время поселяется с женой средний брат Арсеньева, Николай («Умер наш сосед

⁴ Далее роман цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

⁵ Таким же образом описывает Е. Р. Пономарев усадьбы, изображенные в рассказах «Несрочная весна» и «Митина любовь»: «Усадьба оказывается сонным царством, мотивы сна неоднократно подчеркнуты <...>. Описание усадьбы завершает церковь, где покоятся прежние владельцы – традиционная бунинская нота смерти <...> Точно так же растворены створы времени в “Митиной любви”, и Митя воочию увидит Катю хозяйкой своей усадьбы восемнадцатого века» [Пономарев, 2005, с. 125].

Алферов, живший совсем одиноко. Брат Николай снял это опустевшее имение в аренду и жил в ту зиму уже не с нами, а в алферовской усадьбе» (с. 141)). В доме, где гостила Ася – предмет мимолетного и почти детского увлечения Арсеньева, теперь живут его родственники. Дом Алферова тоже становится как бы «своим», и именно там настаивает Арсеньева первая взрослая трагическая любовь к горничной брата, молодке Тоньке.

Судьба владельца усадьбы, помещика Алферова, описывается в XII главе Второй книги. Необычайно интересно, что имя этого соседа – Федор Михайлович, и оно явно (и слегка пародийно, разумеется) корреспондирует с пушкинским именем отца Арсеньева: Александр Сергеевич. При этом биография Достоевского, в молодости оказавшегося в Петропавловской крепости и почти чудом избежавшего смертной казни, тоже отзывается в судьбе этого помещика. Его сын, петербургский студент, уличенный «в пропаганде», посажен в Петропавловскую крепость, а сосед Алферова, Александр Сергеевич Арсеньев, очень его жалеет, сокрушаясь: «Несчастный Федор Михайлович! <...> Вероятно, этого голубчика казнят» (с. 82). Отметим, что и фамилия Федора Михайловича – Алферов – несет в себе отсылку к биографии Достоевского, родовое имение которого Даровое (в Каширском уезде Тульской губернии) соседствовало со старинной деревней Алферьево. Так что отсылка оказывается очень явной, а в ней – и напоминание о страшных обстоятельствах, которые оставили болезненный след в душе Достоевского, а затем и в его творчестве: о характере отца, об отношениях с ним и о том, что его отец умер в этом своем имении Даровое не своей, вероятно, смертью. Бунин несколькими штрихами напомнил об этом в своем романе. А смерть старика Алферова, переживание возможной казни его сына, оставшаяся без хозяина усадьба служат фоном первой любви Арсеньева, даже двух любовных историй: светлой, в духе Тургенева, к Асе и трагической к молодке Тоньке – так в очередной раз разыгрывается излюбленный мотивный инвариант Бунина: юность и любовь под знаком смертей, трагедий и утрат.

Отошедшая в прошлое история близлежащих имений после смерти их владельцев, так или иначе трагической, – один из инвариантных сюжетов лирической прозы Бунина. Ощущение незримого присутствия в доме его, чаще всего разорившегося, владельца, сохранившихся примет его прошлой жизни, подтверждающих местные слухи и рассказы о нем, обеспечивают притягательную неопределенность описаний, подобную той, что так характерна для лирических жанров элегии, эпитафии, баллады. Один из самых ярких примеров такой поэтики – рассказ «Грамматика любви», в котором один из альтер эго Бунина, Ивлев, посещает имение Хвошинского, хозяин которого уже умер, но слухи о его странностях и о его любви тревожат воображение Ивлева, поэтому дом хозяина, его вещи и его книги рассказывают Ивлеву историю этой любви⁶.

Таким же образом описывается в романе дом его родственников Писаревых, получивших, как и Арсеньевы, усадьбу в наследство от предков. Писарев оставил потомкам дом, полный старинной роскоши. Алексея Арсеньева в этом доме особенно привлекает богатая библиотека, и там, в чтении книг, проходят лучшие дни ранней юности героя. О почившем старике Писареве едва упомянуто, так же как о бабушке Алексея, и описание этих двух домов незаметно накладывается одно на другое. Так в XVIII главе Второй книги с Батурино автор незаметно переключается на Васильевское, где Арсеньев часто гостит у Писаревых, и не только

⁶ См. об этом: [Анисимов, 2014].

у них. Средний брат Алексея Николай женился на дочке немца Виганда, который живет недалеко от Писарева, поскольку служит управляющим казённым имением в Васильевском. К Вигандам приезжает племянница Анхен из Ревеля, и Арсеньев влюбляется в эту гостью до самого ее отъезда. А немного позже она сменяется столь же легким увлечением другой гостьей, Лизой Бибиковой, а потом Асей, но уже не в Писарево, а в Батурино. Умножения похожих усадеб и сюжетных ситуаций делают текст романа подобным лирическому тексту с его множественностью ритмических, рифмических, мотивных параллелей и возвращениями к главной теме ⁷. Юношеские влюбленности и разъезды по округе – это не события эпического сюжета, а скорее лирические вариации одних и тех же картин и эмоциональных состояний.

«Жизнь Арсеньева» наполнена таким количеством параллелей и вариаций, что все их трудно уловить с первого раза, а их установление и узнавание вместе с их вариативностью и отличиями обеспечивает напряжение, подобное тому, какое возникает при чтении лирического текста, чему способствует и фрагментарность романа. Многократно варьируются мотивы смертей владельцев поместий и оставленности домов своими хозяевами, которые поддерживаются и умножаются мотивами отъездов и расставаний, в том числе с возлюбленными. Таким образом, тема отчего дома локализуется в средней России, близ Орла, родного города Лескова и Тургенева, в южном направлении от Москвы, где находится и село Мишенское Билевского уезда, родина В. А. Жуковского, и лермонтовское Кропотово, и толстовская Ясная Поляна; вымышленная усадьба вымышленного Арсеньева, населенная его родственниками и соседями, становится лирическим средоточием романа и «точкой, распространяющейся на всё».

2. Город-палимпсест

Городское пространство выстраивается по тем же правилам, что и усадебное. Как многократно отмечалось, самый близкий к имению Арсеньевых город, где Арсеньев учится в гимназии, оставлен без имени, и это превращает его в «некоторое» сказочное «царство» детства и юности, при том, что именно из этого неназванного города и явилась Лика, главная героиня романа, незабвенная любовь Арсеньева ⁸.

Второй город, губернский Орел, – тоже свой для жителей окрестных поместий. В нем, как и в уездном городе, множество церквей, городской сад, гостиница, вокзал и та же атмосфера тихой провинции. Всё это так похоже, что порой читатель не замечает переходов от описания губернского города к описанию уездного: например, в начале XII главы Пятой книги, когда Арсеньев идет на вокзал в Орле, он вдруг вспоминает свой уездный город, и один город превращается в другой так же незаметно, как во Второй книге батурицкий дом в дом Писарева. В губерн-

⁷ «Многочисленность» разного рода форм параллелизма отмечает в тексте Бунина О. А. Асташенко, исследовательница ритмических особенностей романа «Жизнь Арсеньева»: «Гармонический, размеренный характер повествования в романе “Жизнь Арсеньева” достигается с помощью особого рода урегулированности ритма зачинов и окончаний, своеобразного синтаксического построения предложений и синтагм, многочисленных форм параллелизма» [Асташенко, 2004, с. 73].

⁸ Кроме Лики с уездным городом связано самое первое, гимназическое чувство влюбленности, оно возникло в городском саду, где пахло свежестью фонтана и цветами табака, когда Арсеньев увидел хорошенькую «уездную барышню», и «этот запах соединился у меня с чувством влюбленности, которой я впервые в жизни был болен несколько дней после того» (с. 69).

ском Орле Арсеньев видит сон об уездном городе (это XIV глава Пятой книги: «По дороге я вспомнил сон, который видел в эту ночь: я опять жил у Ростовцевых, сидел с отцом в цирке, глядел на арену» (с. 241), этот сон возвращает к VIII главе Второй книги, где гимназист Арсеньев живет у купца Ростовцева, а отец приезжает из Батурина проведать сына и ведет его в цирк). Сон о детстве в уездном городе, перемешиваясь с описанием губернского Орла, с описанием орловской Московской улицы, плавно перетекает из XIV главы Пятой книги в XV: «Я пошел в трактир на Московской. Там выпил несколько рюмок водки <...> Народу было немало <...> Всё это было как бы продолжением моего сна» (с. 244–245). Иногда Арсеньев, сидя в гостинице в Орле или направляясь в редакцию, вспоминает уездный город, и в галерею портретов орловцев вклиниваются жители уездного города: «Теперь мне хотелось что-то сказать уже о Костеньке (мальчике, сыне постоялицы орловской гостиницы, где живет Арсеньев. – *Е. К.*) и еще о чем-то в этом роде. Вот, например, на подворье Никулиной (подворье, где жил Арсеньев в уездном городе. – *Е. К.*) однажды с неделю жила, работала швея...» (с. 238). Кстати, и в уездном, и в губернском городе Арсеньев подолгу живет в гостиницах (на подворье Никулиной он переселяется после жизни в Дворянской), что тоже сближает оба города, делает их похожими для читателя. В отличие от Батурина и Писарева, где Арсеньева окружают родные и соседи (а круг их тесен и хорошо знаком), город наполнен незнакомыми людьми, и будущий писатель мысленно или в тетради постоянно рисует словесные портреты городских жителей, и они, подобно кадрам документальной ленты, образуют единое пространство.

В романе, по замечанию Е. Р. Пономарева, сделано несколько обходов уездного города, который мы видим в VI, VII, X, XIV главах Второй книги и в других частях романа. Исследуя образ уездного города, Г. П. Климова подсчитала, сколько раз описывается его главная улица, Долгая, и вся дорога, которая ведет в город и уводит из него: «Вряд ли можно считать случайным, что что восемь раз упоминает Бунин о дороге, идущей на закат и проходящей между монастырем и острогом» [Климова, 1995, с. 122] (в III главе Первой книги, II, VI, VII, VIII, XIV главах Второй книги и в V главе Пятой книги). В Орле же читатель видит многократно главную улицу этого, губернского, города – Болховскую (в I, II, X, XI, XIV главах Пятой книги), дважды упоминаются трактиры и извозчичьи чайные на соседствующей с Болховской Московской (в финале XI главы Пятой книги и в начале XV). Многократно изображены церковные службы, моления у икон в двух городах, уездном и губернском, суммируя впечатление от всех этих образов, Е. Р. Пономарев пишет: «Россия застывает в сознании Арсеньева в виде икон» [Пономарев, 2019, с. 118]. Церкви уездного города, где Арсеньев молится, будучи гимназистом, изображены во Второй книге: в VII главе упомянута старинная церковь над рекой с чудотворной древней иконой Богородицы, в IX главе – церковь Воздвиженья, куда водили гимназистов, в XIV главе – мужской монастырь, в Пятой книге орловских церквей немногим меньше, чем уездных, о них рассказывается в XI, XIV и XV главах (Великопостная служба в полупустой церкви, где звучит молитва Ефрема Сирина, небольшая церковь с испугавшим Арсеньева гробом ребенка и еще одна безымянная церковь, в которой поют: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...»).

Городская тема, как и усадебная, варьируется и умножается многочисленностью похожих, но при этом разнообразных картин, разнящихся множеством мелких и точных подробностей. Пространственных наложений и удвоений много

и оттого, что герой трижды путешествует, и дважды по одному маршруту – на юг. В первый раз он едет один: к брату в Харьков и затем в Крым. Во второй, увозя Лику на юг, повторяет тот же путь: мелькают те же станции и города, что и во время первого путешествия. Только город, куда он увозит Лику и где живет старший брат, это уже не Харьков, как в первый раз, а какой-то другой город, оставшийся неназванным – в топонимику романа вклинивается еще один «сказочный» город (подразумевающий, по-видимому, Полтаву)⁹. По его окрестностям, а это места с реальными названиями, Арсеньев тоже непрерывно разъезжает.

Отдельные географические мотивы проходят через весь роман. Исследователи уже обращали внимание на описание Витебского костела в XVIII главе Пятой книги без упоминания его названия (имеется в виду костел Св. Варвары):

Темнело, я пришел на какую-то площадь, на которой возвышался желтый костел с двумя звонницами. Войдя в него, я увидал полумрак, ряды скамеек, впереди, на престоле, полукруг огоньков. И тотчас медлительно, задумчиво запел где-то надо мной орган, потек глухо и плавно, потом стал возвышаться, расти – резко, металлически... стал кругло дрожать, скрежещать, как бы вырываясь из-под чего-то глушившего его, потом вдруг вырвался и звонко разлился небесными песнопениями... Впереди, среди огоньков, то поднималось, то падало бормотание, гнусаво раздавались латинские возгласы. В сумраке, по обеим сторонам уходящих вперед толстых каменных колонн, терявшихся вверх в темноте, черными привидениями стояли на цоколях какие-то железные латники. В высоте над алтарем сумрачно умирало большое многоцветное окно... (с. 250).

Очень интересно, что, когда юноша Арсеньев в романе впервые всё это видит и слышит, читатель, как это уже подметил Е. Р. Пономарев, про это его впечатление уже знает: в Первой книге, когда Арсеньев читает рыцарские романы со своим учителем Баскаковым, рыцарские доблести вызывают в нем те же, как он позже это осознает, переживания, что и в костеле:

Как потряс меня орган, когда я впервые (в юношеские годы) вошел в костел, хотя это был всего-навсего костел в Витебске! Мне показалось тогда, что нет на земле более дивных звуков, чем эти грозные, скрежещущие раскаты, гул и громы, среди которых и наперекор которым вопиют и ликут в разверстых небесах ангельские гласы (с. 36).

В Первой книге – событие, в Пятой – воспоминание (рассказчика) из будущего, которое можно назвать и лирическим отступлением. «Мостиком в начало романа» называет этот повтор Пономарев [2019, с. 115]. Сам Бунин, вмещая юношеское воспоминание в детские годы Арсеньева, называет это заковыченным словом «вспомнил» («как я впервые “вспомнил” тридцать лет тому назад» (с. 37)), а заковыченное «вспомнил» Бунина восходит к мистической формуле «вспомнила тебя душа моя» из рассказа «В ночном море» со столь же причудливыми воспоминаниями из других жизней. Образ Витебского костела и других католических церквей возникает и еще раз, когда Арсеньев-гимназист стоит на Великопостной службе в церкви Воздвиженья: «Нет, это неправда – то, что говорил я о готических соборах, об органах; никогда не плакал я в этих соборах так, как в церковке Воздвиженья в эти темные и глухие вечера» (с. 76) (IX глава Второй книги).

⁹ См. об этом: [Юрченко, 1999; 2000].

И это даже не удвоение, а поэтическое умножение, проведенное через весь роман, которое отзывается всегда, когда заходит речь о католических храмах и башнях, о рыцарстве, в теме рыцарства русской дворянской эмиграции, в образе гётевского всадника-рыцаря, несколько раз появляющегося в романе. Можно сказать, что звучание витебского органа прокатывается через всю «Жизнь Арсеньева».

В результате создается текст, изображающий работу памяти, которая любит возвращаться к чему-то очень важному, а вариативность способствует созданию в прозаическом тексте элегического лиризма, поддержанного спутанным пространственным палимпсестом, где сквозь один город просвечивает другой, сквозь одну церковь видится множество других, где герой ходит по одним и тем же улицам или улицам, которые так похожи, что не только читатель не отличает одну от другой и путается в количестве совершенных Арсеньевым по городу обходов, но и сам Арсеньев, живя в Орле, всё время возвращает уездные картины в памяти и снах, отчего все города становятся сновидчески-неопределенными, сопряженными с лирическими эмоциями и состояниями.

3. Сюжетный пунктир

Так же построен и любовный сюжет: Лика и Арсеньев многократно расстаются и сходятся, разлуки и встречи повторяются, образуя сюжетный пунктир, подобный пространственному пунктиру в этом романе. В XVII главе Четвертой книги Авилова в Орле знакомит Арсеньева с Ликой, и он, не успев осознать значение этой встречи, хотя и ревниво отметив, что некий высокий офицер с «продолговатым матово-смуглым лицом» «немного задержал ее руку в своей большой руке», уезжает в Батурино, «увозя одну мечту: как-то продолжить – и, насколько возможно скорей – то, что началось в Орле» (с. 196). А Лика, еще немного погостив у Авиловой, тоже возвращается домой, к отцу, в тот самый безымянный уездный город, где проходили гимназические годы Арсеньева. Арсеньев навещает усадьбу в уездный город, видится с Ликой, получает от нее записки, потом на празднике в имении друзей (III глава Пятой книги) их влюбленность друг друга уже ясно осознается ими («Я сидел рядом с ней и уже без всякого стыда держал ее руку в своей, и она не отнимала ее» (с. 200)), а дальше разлуки, размолвки и препятствия раскачивают маятник любовного сюжета. Отец Лики отказывается благословить брак его дочери с Арсеньевым, и влюбленные расстаются, но вскоре, договорившись заранее, уезжают в Орел, где ситуация повторяется. Они вновь, уже во второй раз, разлучаются по вине отца, который пытается сосватать ей более подходящего жениха. Влюбленные разлучаются «на первой неделе поста» и в начале весны Арсеньев, не найдя себе места без Лики, отправляется в свое первое путешествие.

Этот прерывистый сюжет, беспрестанно «нанизывающий» и повторяющий разлуки, размолвки и краткие расставания ради встреч и примирений, развивается по музыкальным законам, многократно возвращаясь к начальной точке. Лирическая тема всякий раз вариативно обновляется, насыщается многократными кульминациями: это и ночная прогулка в имении друзей, и ночь в пустом вагоне поезда на пути в Орел, и встреча в уездном городе после томительной разлуки и продолжение этого свидания в Дворянской.

Сюжет как будто кружит: повторяются не только две разлуки из-за отца, и счастливые примирения после разлук, но и сцены ревности (Арсеньев ревнует Ликой то к офицеру Турчанинову, упомянутому дважды, то просто к веселым развлечениям на прогулках, на катке, то к театру и купцу Богомолу, то, уже в южном городе, из ревности не позволяет ей нарядиться в костюм Ночи на маскара-

де), многократно Арсеньев принимается рассказывать Лике о поэзии, литературе, о своих путешествиях, о юности в усадьбе, при этом о прошлом Лики мы почти ничего не знаем... Повторы играют роль композиционных опор романа, события «текут» между этими неподвижными точками повторов, от чего возникает и ощущение наполненности и легкой запутанности всех событий, и двойное чувство постоянства и обновления, так, как будто бы перед нами стихотворный текст, пронизанный рефренами.

Обновление становится темой разговоров Арсеньева с Ликой, и эта тема тоже возникает не единожды, а повторяется в разных ситуациях: «Ты очень изменился, – говорила она. – Ты стал мужественней, добрей, милей. Ты стал жизнерадостный» (с. 272), «Ты опять делаешься какой-то другой <...> Совсем мужчина. Стал зачем-то эту французскую бородку носить (с. 279)». У Лики появляется множество двойников. Она всё так же – единственная, но Арсеньев влечет разнообразие жизни и женской красоты. Он ездит то в Миргород, то в Казацьи Броды, в Приднепровье, в Николаев, то на хутор толстовцев, где знакомится с женой младшего из них, и она очень ему запоминается, то по воскресеньям в одно село за Днепром, где встречается с красивой рыжей девкой. Дома он любит казацкой горничной и говорит о ней с Ликой, невзначай упомянута и некая Черкасова, попросившая Арсеньева проводить ее до Кременчуга. В таких разъездах проходит полтора года, любовные увлечения Арсеньева кратки, ни одно из них не может перерасти в как-то развивающийся сюжет: душа Арсеньева жаждет лишь смены ярких впечатлений от жизни, и эти краткие сюжеты-впечатления тоже никак не эпического, а чисто лирического характера.

Самая близкая параллель к сюжету Лики – любовь к горничной Тоньке (финал Третьей книги, ее последняя, XIV глава), которой связь с Арсеньевым едва не стоила жизни. По ней одной из всех своих увлечений тосковал Арсеньев довольно долго, а ее неожиданное исчезновение было подобно весенней грозе, описанной в стихотворении, сочиненном в тот самый момент, когда муж ее увозил, а Арсеньев не было рядом, он сидел за столом и сочинял:

И шмель замрет на венчике цветка,
И загремит державными громами
Весенний бог, а я – где буду я?
(с. 145)

Тонька тоже была на краю смерти: муж не мог простить ей измены с баринном. Стихи о грозе оказались предчувствием ее отъезда и грозы, нависшей над ними. Но гибнет не Тонька, а Лика, смерть которой была как будто тоже символически предсказана, поскольку начало любви Арсеньева и Лики сопровождают два недобрых предзнаменования: знакомство с Ликой совпадает со встречей траурного поезда и весенней грозой. Счастливый и уже влюбленный Арсеньев едет на вокзал, к которому уже приближается траурный поезд: «В день моего отъезда гремел первый гром. Помню этот гром, легкую коляску, уносившую меня на вокзал с Авиловой» (с. 195)). Подобно звучанию витебского органа, этот гром тоже прокатывается по всему роману, особенно, если вспомнить, что известие о смерти Лики с запозданием, как гром после молнии, настигает Арсеньева тремя годами позже, тоже весной: «Весной того же года я узнал, что она приехала домой с воспалением легких и в неделю умерла» (с. 287).

Кладбищенские мотивы сопровождают любовный сюжет от начала до конца. Однажды в южном городе Арсеньев рассказывает Лике про обнаруженную им

могилу: «Я там видел ночью на кладбище нечто очень странное: пустую, но уже совсем готовую могилу – загодя приказал вырыть себе один из братии и даже с крестом в возглавии: на кресте уже написано, кто здесь погребен, когда он родился, написано даже «скончался» – только оставлено пустое место для даты будущей кончины». И добавляет: «Везде чистота, порядок, цветы – и вдруг эта ждущая могила» (с. 273). А когда после отъезда Лики он еще месяц живет в южном городе, этот образ как будто бы еще раз отзывается в его душе: он бродит по осенним «узким тротуарам с черными садами за заборами», вдыхая «кладбищенский запах лиственного тления» (с. 281), кладбищенский запах, как оказывается, преследует Арсеньева в то самое время, когда умирает Лика. И так же грустны его предчувствия по пути домой, в те места, где прошли его детство и юность: «Какая могила ждет меня там, в Батуристине! Старость отца и матери, увядание моей несчастной сестры, нищая усадьба, нищий дом, голый, низкий сад, по которому дует ледяной ветер, зимний лай собак...» (с. 285).

Разного рода повторов и лирических вариаций очень много в романе, но они не воспринимаются как тавтология, напротив – они практически незаметны в тексте, их не так легко вычленишь, потому что каждый мотив, каждая деталь описания окружены своим контекстом, похожие описания незаметно подменяют или продолжают друг друга, порой повторы разделены интенсивной сменой картин, настолько детализированных, что предыдущее звено повтора успеваешь забыть еще до времени следующего. К каждому повтору, как в музыке, сделан свой подход, повторяемое даже если узнается, то узнается не точно, смутно, оказывается новым и имеет свой эмоциональный ореол, что всякий раз усиливает переживание события, превращает его в событие лирического плана, выводит каждый сюжетный виток на новый уровень.

Список литературы

Анисимов К. В. «Грамматика любви» И. А. Бунина: историко-культурные контексты // Нарративные традиции славянских литератур: от Средневековья к Новому времени. Новосибирск, 2014. С. 217–224.

Астащенко О. А. Ритмические особенности романа И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Творчество И. А. Бунина и русская литература XIX–XX веков. Белгород, 2004. С. 67–73.

Жаглова Т. М. Усадебное пространство и время в эпическом и лирическом контексте творчества И. А. Бунина // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. 2912. № 4. С. 43–56.

Зайцева Н. В. Тема оскудения «дворянских гнезд» в прозе И. А. Бунина // Материалы международной конференции, посвященной 850-летию Ельца. Елец, 1996. С. 106–107.

Катинос Е. В. Поэзия Приморских Альп. Рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. М.: ЯСК, 2014. 340 с.

Климова Г. П. Образ города в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // И. А. Бунин и русская литература XX века. М.: Наследие, 1995. С. 117–124.

Пономарев Е. Р. Концепция Памяти и российский хронотоп в послереволюционном творчестве И. А. Бунина // И. А. Бунин в начале XXI века. Воронеж, 2005. С. 116–144.

Пономарев Е. Р. Преодолевший модернизм: Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. 340 с.

Трубицина Н. А. Художественный образ усадьбы Батурино в рассказе «Золотое руно» и в романе «Жизнь Арсеньева» // Бунинская Россия: Озерки – Батурино / Отв. ред. Е. Т. Атаманова. Елец, 2006. С. 160–168.

Юрченко Л. Н. Диалектика образа Украины в творчестве И. А. Бунина: Историко-культурный и структурно-поэтический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 1999. 19 с.

Юрченко Л. Н. Поэтика мотивов Украины в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Творчество И. А. Бунина и русская литература XIX–XX веков. Белгород, 2000. С. 95–100.

Список источников

Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1966. Т. 6. 340 с.

References

Anisimov K. V. “Grammatika lyubvi” I. A. Bunina: istoriko-kul’turnye konteksty [“The Grammar of love” by I. A. Bunin: historical and cultural contexts]. In: *Narrativnye traditsii slavyanskikh literatur: ot Srednevekov’ya k Novomu vremeni* [Narrative traditions of Slavic literatures: from the Middle Ages to the Modern Age]. Novosibirsk, 2014, pp. 217–224.

Astashchenko O. A. Ritmicheskie osobennosti romana I. A. Bunina “Zhizn’ Arsen’eva” [Rhythmic Features of I. A. Bunin’s novel “The Life of Arsenyev”]. In: *Tvorchestvo I. A. Bunina i russkaya literatura 19–20 vekov* [The works of I. A. Bunin and Russian literature of the 19th – 20th centuries]. Belgorod, 2004, pp. 67–73.

Kapinos E. V. *Poeziya Primorskikh Al’p. Rasskazy I. A. Bunina 1920-kh godov* [Poetry of the Primorsky Alps. Stories of I. A. Bunin in the 1920s]. Moscow, LRC Publishing House, 2014, 340 p.

Klimova G. P. Obraz goroda v romane I. A. Bunina “Zhizn’ Arsen’eva” [The image of the city in the novel by I. A. Bunin “The Life of Arsenyev”]. In: *I. A. Bunin i russkaya literatura 20 veka* [I. A. Bunin and Russian literature of the 20th century]. Moscow, Nasledie, 1995, pp. 117–124.

Ponomarev E. R. Kontseptsiya Pamyati i rossiyskiy khronotop v poslerevolutsionnom tvorchestve I. A. Bunina [The concept of Memory and Russian chronotope in the post-revolutionary work of I. A. Bunin]. In: *I. A. Bunin v nachale 21 veka* [I. A. Bunin in the beginning of the 21st century]. Voronezh, 2005, pp. 116–144.

Ponomarev E. R. *Preodolevshiy modernizm: Tvorchestvo I. A. Bunina emigrant-skogo perioda* [Overcoming modernism: I. A. Bunin’s creativity of the emigrant period]. Moscow, Litfakt, 2019, 340 p.

Trubitsina N. A. Khudozhestvennyy obraz usad’by Baturino v rasskaze “Zolotoe runo” i v romane “Zhizn’ Arsen’eva” [Artistic Image of the Baturino Estate in the Story “The Golden Fleece” and in the Novel “The Life of Arsenyev”]. In: *Buninskaya Rossiya: Ozerki – Baturino* [Buninskaya Rossiya: Ozerki – Baturino]. E. T. Atamanova (Ed.). Yelets, 2006, pp. 160–168.

Yurchenko L. N. *Dialektika obraza Ukrainy v tvorchestve I. A. Bunina: Istoriko-kul’turnyy i strukturno-poeticheskiy aspekty* [Dialectics of the Image of Ukraine in the Works of I. A. Bunin: Historical, Cultural and Structural-Poetic Aspects]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Yelets, 1999, 19 p.

Yurchenko L. N. Poetika motivov Ukrainy v romane I.A.Bunina “Zhizn’ Arsen’eva” [Poetics of Ukrainian motives in I. A. Bunin’s novel “The Life of Arsenyev”]. In: *Tvorchestvo I. A. Bunina i russkaya literatura 19–20 vekov* [The works of I. A. Bunin and Russian literature of the 19th–20th centuries]. Belgorod, 2000, pp. 95–100.

Zaytseva N. V. Tema oskudeniya “dvoryanskikh gnezd” v proze I. A. Bunina [The theme of the decline of “noble nests” in the prose of I. A. Bunin]. In: *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 850-letiyu El'tsa* [Proceedings of the international conference dedicated to the 850th anniversary of Yelets]. Yelets, 1996, pp. 106–107.

Zhaplova T. M. Usadebnoe prostranstvo i vremya v epicheskom i liricheskom kontekste tvorchestva I. A. Bunina [The estate space and time in the epic and lyrical context of I. A. Bunin’s work]. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*. 2012, no. 4, pp. 67–73.

List of sources

Bunin I. A. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: in 9 vols]. Moscow, Khudozh. lit., 1966, vol. 6, 340 p.

Информация об авторе

Елена Владимировна Капинос, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Information about author

Elena V. Kapinos, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 27.06.2024;
одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 08.07.2024
The article was submitted on 27.06.2024;
approved after reviewing on 08.07.2024; accepted for publication on 08.07.2024*